

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ, ПУТЬ НЕБЫСТРЫЙ

1. ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ?

Как санитарный самолет садился в Кабуле, как их с Лосем переваливали на другой борт, старший лейтенант Петренко, он же Хантер, совершенно не помнил. Под действием обезболивающих и от полного изнеможения мозг просто отключился. В себя пришел только в Ташкенте на аэродроме Тузель — том самом, с которого улетал в Афган несколько месяцев назад. Ощущения были не из приятных — он лежал на спине на носилках в дюралевой утробе самолета, а кто-то грубо шарил по его телу, отбросив одеяло и простыню.

«Что за твою мать?» — возмутился Хантер. Про себя, потому как сил на споры и сопротивление не было никаких.

— А я вам говорю, — услышался возмущенный женский голос, в котором гнев мешался со слезами, — не имейте права! Раненые физически не в состоянии перевозить оружие и наркотики!

С трудом расклеил веки, сразу же вернулась тупая боль, заполнившая все тело. Оценил ситуацию — в его носилках

копошился бдительный таможенник в мятой темно-синей униформе. Рядом топтались пограничники, двое военных медиков, какие-то летчики — должно быть, экипаж борта, и еще пара таможенников со спаниелем на поводке. Спаниель опознал в Саньке своего, охотника, приблизился к лежащему и ласково лизнул в лицо.

— Что ваша собака себе позволяет?! — взвилась женщина-врач. — Она же может инфицировать раненого!

— Собака что-то учуяль, — с узбекским акцентом ответил самый мятый-бдительный, обшаривавший Хантера. — Надо вынести всех этих на бетонку и еще раз все перешматать. Патом — самалет!

— Делайте что положено, — брезгливо бросила докторша. — Ни сердца у вас, ни мозгов...

— Вы, товарищ майор медицинской службы, — обиженно забасил дородный офицер-пограничник, — не вмешайтесь не в свое дело. У ваших раненых нет соответственно оформленных документов для пересечения государственной границы СССР. Нам откуда знать — может, они международные террористы или еще кто там?

— Товарищ подполковник, — уже спокойнее ответила докторша. — Данные военнотружущие всего несколько часов назад эвакуированы непосредственно из зоны боевых действий! На территории Республики Афганистан сейчас проходит масштабная армейская операция «Кольцо», все госпитали на афганской территории переполнены. Даже «Черные тюльпаны»¹, как вам известно, делают по два рейса в сутки и пересекают границу именно здесь, в Тузеле. Поэтому, по особому распоряжению начальника медицинской службы Сороковой армии генерал-майора Лактионова, эти военнотружущие направлены в окружные военные

¹ «Черный тюльпан» — неофициальное название самолетов Ан-12, использовавшихся для перевозки тел погибших советских военнотружущих с территории Афганистана в ходе Афганской войны.

госпитали на территории СССР. Если вы завернете наш борт обратно в Афганистан, я вам гарантирую крупные неприятности! Я до самого Горбачева дойду, но вам, тыловикам, мало не покажется! — сердито закончила она.

— Только не надо нас унижать! — хором возмутились пограничники и таможенники. — Мы выполняем свои обязанности, а вы свои!

— Значит так, исполняйте свои функциональные обязанности; но предупреждаю: если я потеряю хоть одного «трехсотого», вся ответственность ляжет на вас! — отрезала майор медслужбы. Затем круто развернулась на каблучках и решительно направилась к зданию аэропорта.

Откуда-то вынырнули солдаты-срочники в застиранном хэбэ с синими погонами и в кирзачах, разящих армейской ваксой, и поволокли носилки с ранеными на бетонку взлетной полосы, выстраивая в ряд.

«Как тех “двухсотых”, что я провожал после боя на высоте Кранты», — вспомнил Александр, снова пожалев, что сил сопротивляться — никаких.

Самолет, на котором доставили из Афгана группу раненых — десять человек, уныло торчал на полосе, отвалив кормовую аппарель¹. Толпа пограничников и таможенников ломанулась внутрь — «шмонать». Летчики, равнодушно покуривая и поругиваясь, следили за их действиями. Тем временем прапорщик в союзной форме куда-то увел бойцов аэродромной команды...

— Что тут?! — рядом на носилках поднял голову рядовой Кулик. — Где мы?

— Мы с тобой, Лось, на аэродроме Тузель, в Ташкенте, — ответил Хантер, прислушиваясь, как внутри нарастает боль, постепенно заполняя каждую клетку. — Сейчас нас опять будут «шмонать» родные таможенники, чтоб им, сукам!

¹ Аппарель — наклонная платформа, предназначенная для загрузки и разгрузки воздушного судна.

— А чем бой кончился? — завертел головой Лось. — Живой кто остался? Где Джойстик, Зверобой, Ерема, Чалдон?.. — посыпались горохом вопросы.

— Джойстик погиб, Чалдон тоже. А Зверобой с Еремой живы, отбились. Продержались, пока подмога не пришла... — Хантер не знал точно, но выдавал собственную версию событий, надеясь, что так оно и было.

— Хорошо, товарищ старший лейтенант, — обморочным голосом пробормотал Кулик. — Я вас только попрошу — вы меня здесь не бросайте, ладно? — Он умолк на полуслове и вырубился. Большинство из тех, кто прибыл с этим бортом, были без сознания — должно быть, действовали лекарства, — и только двое-трое шевелились, пытаясь осмотреться получше.

— Эй, летуны, вашу мать! — заорал старлей. — Зовите медиков — раненому хреново, сознание потерял!

От напряжения ему и самому стало худо — дрожь блуждала телом, разболелась нога, в ушах всю гудел какой-то надтреснутый колокол. Подбежали военные медики, присели над Куликом, начали ворожить. А из самолета, оживленно переговариваясь, тем временем вывалилась ватага пограничников и таможенников. Один из них — судя по повадкам, старший — тащил пакет с добычей: изъятое из багажа пилотов и медперсонала. Прямо на глазах у раненых таможенники начали разглядывать барахлишко, стибренное у экипажа: магнитофонные кассеты с записями бардов-афганцев, презервативы в ярких упаковках с аппетитными красотками, выкидные ножи, которыми только хлеб да колбасу кромсать, потому что даже консервную банку китайская сталь не брала, пузырьки с афганским мумием и прочую хреновень. Таможенники, как сытые шмели, удовлетворенно гудели прямо над носилками раненых, тогда как медики прямо у их ног останавливали кровь, обильно сочившуюся из культи левой ноги одного из парней.

— А где тот доходяга, которого пес нанюхал? — внезапно вспомнил таможенник, говоривший с акцентом. — Надо хорошо досмотреть! Пес свое дело знает!

Он присел над Хантером, раскорячив ляжки, короткие толстые пальцы снова зашустрили по телу. Узбек распутывал концы повязок, отматывал бинты, копошился и отвратно сопел. Александра замутило.

— Что, стервятник, на мертвечинку потянуло? — насмешливо поинтересовался он, пока служивый рывками разматывал присохшую марлю на голове.

— Ты, не п...и мне тута! — невозмутимо бросил таможенник. — Сичас снимем с борта, будешь в местный санчасть подыхать, пока я штамп не поставлю!

— Смелый ты, козлина! — ощерился Хантер. В ушах зашумело. — Нам бы с тобой попозже свидеться, как на ноги встану...

— С этого и нада начинат, — отмахнулся таможенник. — Эй, медицина, ко мне! А ну-ка, гипс мне снимите с этот птиса-говорун... С правой, с правой! Похоже, он там кое-что запряталь!

Подошли медики, снова вспыхнул спор, но Хантер больше не слушал — ему становилось все хуже. Сквозь обморочную истому чувствовал, как кто-то бесцеремонно держит и теребит правую ногу. Боль стремительно набрала обороты, и все окружающее стало безразлично — сейчас он боролся только с болью...

Тем временем слышался гул мощных двигателей борта, заходящего на посадку, и вскоре на стоянку неподалеку от санитарного борта вырулил «горбатый», то есть Ил-76. По рампе начали спускаться пассажиры — афганские заменщики и отпускники. Несколько молодых мужчин в штатском, похоже, офицеров, при виде обыска раненых прямо под открытым небом на бетонке возмущенно направились к беспредельщикам-таможенникам.